

Легенды Карпат

Карпаты являются одним из уникальных ареалов Европы. Их природно - географические условия, наличие разнообразных экологических ниш, а также мощная сырьевая база (металлы, соль, лес) создали благоприятные условия для освоения этих земель с седой древности.

Проходили столетия, одно поколение сменялось другим, оставляя после себя руины поселений, городищ и могильники. Вместе с тем в памяти людей, проживавших на этих землях, откладывались события, сыгравшие ключевую роль не только в истории целых народов, но и отдельных племён. Передавая из поколения в поколение от деда, отца к внуку они сохранились и дошли до нас в виде легенд, сказаний и былин. Они разные по тематике. Одни - о любви, извечном человеческом чувстве, другие - драматические, описывающие битвы, гибель поселений и городов, но в целом они несут искомое зерно в восстановлении истории наших предков, повествуя об их патриотизме и великой силе любви.

Бусы Тереса

Ночь окутала археологический лагерь, у подножья горы о чём-то говорили волны Тисы, а возле костра сидели студенты, обсуждая дневные находки на Малокопанском городище. Вдруг из темноты шумящего леса послышались шаги и в свете костра появилась фигура древней старухи.

- Или ведьма, или Изергиль, - со смешком сказал один из студентов.

- Нет, внучек, - ответила старуха, - из села я, коз своих ищу.

- Найдутся твои козы, присаживайся к костру, выпей чаю.

Села старуха, взяла кружку, обвела взглядом ребят и девушек и сказала:
- Долго вы тут копаете, но не всё вы знаете о городище. Расскажу я вам легенду о нём, что ещё мне прабабка рассказывала. Может, это байка, а, может, и быль.

Давным давно на этом месте был небольшой город, но в нём жили большие мастера, они делали разные изделия для всей округи. И вот в одной семье гончара рос мальчик, звали его Терес. Имя ему дали в честь фракийского царя, знаменитого своей отвагой, и носил он его с гордостью. Мальчик рос крепким и смышлённым. Отец со старшими сыновьями лепили и обжигали в печи горшки, чашки, а маленький Терес

помогал им. Жена с дочерью вели хозяйство. Свои изделия семья обменивала на еду и одежду и жили они - нужды не знали. Дом у них был добрый, гончарным делом занимались с покон веков. Секреты дела хранили в тайне, передавая их лишь от отца к сыну. Жили они спокойно и счастливо, пока не пришла беда. Напали на них враги римские и в одну ночь разрушили городище. Собрали добычу, пленных с собой в рабство увели. Не успел укрыться в лесах с матерью и сестрами и маленький Терес. Он спрятался в доме у гончарной печи. Но зашли в его дом враги и увидели мальчика. Занес легионер меч над его головой, чтобы убить отродье дакийское, но удержал его руку другой и сказал:

- Заберем с собой в Рим, отдадим моему шуруину, что стеклянные сосуды лёт, ему нужен подмастерье. Они здесь вижу печь имеют, горшки лепят и обжигают. Мальчишка, думаю, тоже что-то умеет, его легко будет научить стеклянному делу. - И увезли Тереса с собой.

Не подвело чутьё война - хорошим учеником оказался Терес. Вскоре он умел подготовить и разжечь печь, замесить состав для стекла. А позже стекло не только отливал, но и выдувал из него сосуды: бутылки, чаши, вазы.

К этому времени восемнадцатый год ему пошёл, возмужал Терес и красота рода его дакийского сказалась в нём. Волосы русые, густые, слегка выются, на широкие плечи ложатся. Взор ясный, лучезарный - синева неба в них отражается. Сам статный, крепкий, словно дубок молодой.

Приглядела его дочь хозяина, черноволосая красавица Юлия, и стала к отцу в мастерскую захакивать, да на Тереса заглядывать, уж больно хорошо сложен был, что лицом, что статью, глаза отвести трудно.

Терес и в мыслях не смел думать о дочери хозяина, знай себе работает с утра до ночи. Увлёкся делом, что судьбой ему выпало, а радовался, когда узнает что новое про своё ремесло.

Как-то пришла Юлия в мастерскую. Отца не было. Видит, Терес один, не удержалась и заговорила с ним:

- Здравствуй, Терес!

- Приветствую тебя, госпожа, - ответил юноша. Отложил в сторону работу и покорно склонил голову.

- Через три дня в Риме праздник богини Деметры и отец подарил мне египетские бусы к этому дню, да вот не нравятся они мне, хочу фракийские.

Слышала я, что в вашей стороне их делают. Красоты они редкой, да к нам не завозят. Поэтому хочу, чтоб ты к празднику плодородия мне бусы изготовил, да такие, как у вашей царицы были. Не сумеешь сделать,

властью тебя прикажу запороть, а если выживешь, так хозяину каменоломни продам. Есть у тебя для работы два дня и три ночи. Приступай, не медли! - и уже голосом не госпожи, а ласково просящей девочке, добавила:

- Я очень хочу такие бусы, Терес! - и её черные глаза заблестели желанием, владеть украшением, подобным которого не имеет ни одна женщина Вечного Рима.

Задумался Терес:

- Как выполнить заказ моей госпожи? Видел я бусы, что носила царица дакийская, да не делал никогда ещё бус.

Долго сидел, думал, на огонь в печи глядел, а в пламени глаза госпожи своей видел. Напомнили они ему глаза его прабабки Геры из городища, где ребёнком рос. Добрая и мудрая она была женщина. Часто к ней люди приходили за советом. Обратил и он к ней свои думы, что бы она ему сказала, какой совет дала? И пришли на ум слова её:

- Коли хочешь, чтоб дело у тебя какое получилось, так всю душу в него вложи. А делая дело, приговаривай добрые слова, и всё получится.

Стал Терес состав смеси для бус подбирать. Песню поёт, сам слова складывает, и дело у него спорится. Сыплет песок, соду. Для цвета добавляет соли минеральные, то медного купороса подсыплет, то марганца. Увлёкся работой, не заметил как и ночь прошла. А утро наступило, заглянуло солнце в маленькое окошко и упали солнечные лучи на стол, где первые бусины лежали. Загорелись они цветами радуги и светло стало вокруг, и на душе так весело сделалось.

В эти дни и хозяин был добр с Тересом, не кричал на него, не делал замечаний, не видел, что он допоздна работает и, что ночи проводит в мастерской.

Но прошли три дня и пошла Юлия к Тересу, чтобы получить желанное украшение - бусы, какие украсят её на празднике, чтобы стать царицей этого праздника и тогда завоюет она право, самой выбрать себе жениха.

Пришла она в мастерскую, распахнула дверь и с порога спрашивает:

- Готовы ли бусы мои, Терес?

- Да, госпожа, - ответил юноша и поднёс украшение девушке.

Посмотрела Юлия на бусы и вскрикнула от увиденного:

- Но это же блеклые стекляшки! - И чуть не плача добавила,

- Я прикажу тебя высечь, негодный раб, ты решил посмеяться надо мной?

- Не гневайся, госпожа! Одень их! Ты увидишь, как на твоей белоснежной шее они заиграют цветами радуги, ты почувствуешь их

тепло, и свет, что поразит своей красотой, потому что сила в них камней земных, и яркий свет солнца небесного! Одень, госпожа, будь добра! И говорю правду! - спокойным голосом объяснял Терес.

Убедили слова юноши Юлию. Одеда она бусы. А как коснулись они её, вздрогнуло сердце, тепло разлилось по всем жилочкам и большая страсть зародилась в девушке, спала гордыня с Юлием и сказала она уже ласково:

- Прости за слова обидные, и спасибо тебе, Терес, за бусы красивые.

- Носи их, госпожа, и радуйся. Теперь ты будешь царицей праздника и все станут любить тебя, и ты выберешь себе жениха по сердцу.

Затрепетало сердце девушки и голос не смел стал.

- Не надо мне уже праздника и женихов выбирать я не стану. Ты уже давно мне мил, Терес, и с тобой хочу быть всегда я.

Не оробел юноша от таких слов, подошёл к Юлию, взял её за руку, заглянул в глаза.

- Значит, так тому и быть! С этих пор будем с тобой вместе! Только вот отец твой не отдаст тебя за раба дакийского. Как нам любовь нашу сберечь? Ты должна помочь мне. Мы убежим с тобой в Дакию. Я покажу тебе, как красива моя сторона, как в ней славно живется! Я буду поить тебя вином, буду кормить ягодами, обмывать в горных ручьях и укладывать на шелковые травы, а птицы будут петь нам! Согласна ли ты, Юлия, бежать со мной?

- Согласна, Терес, желанный мой! - обнял юноша девушку, прижал к себе:

- А ты уж мне верь, я тебя в обиду не дам! Сегодня же в праздник убежим с тобой. Теперь у нас одна дорога - в Дакию.

Длинным и опасным был путь на родину, но молодость и любовь оберегали их.

Долго ли коротко, пришли они в городище, нашел он своих родных, с Юлией познакомил, за неделю и свадьбу сыграли.

Живут молодые, друг дружке радуются. Но задумался как-то Терес:

- Не пристало мужу долго с бабой тешиться, пора и за дело браться.

Построил он стекольную мастерскую, стал сосуды лить, выдувать тонкие чаши, украшения делал разные, и пошла о нём слава. Со всех окраин съезжались к нему за изделиями.

Как-то приходит к нему знатная женщина:

- Я от царицы дакийской Пифадориды послана. Наказывает моя царица, чтоб ожерелье сделал из стекла твоего дивного, хочет сама увидеть, что изделия твои глаз радуют и душу веселят. Как сделаешь, принесишь во дворец.

Не прошло и недели - изготовил Терес ожерелье. Славная вышла работа, показал жене, она похвалила, шкатулку ему приготовила для украшения, а у самой грусть в глазах. Вспомнила, как делал он ей бусы заветные и испугалась за мужа любимого, что уйти может к царице и не вернуться, но не показала ему своего волнения. Провела до ворот, удачи пожелала и сказала, что ждать будет его возвращения.

Пришел Терес во дворец, а царица Пифадорида ждёт его с нетерпением:

- Показывай свою работу, мастер, так ли она хороша, как о ней молва ходит?

Открыл Терес шкатулку и царице протягивает. Заглянула она и удивилась:

- Ожерелье твоё хорошо, да уж больно скромно, чтобы мне носить его.

- А ты не бойся, царица, одень, да в зеркало на себя глянь. Не в шкатулке его нужно разглядывать, а на груди твоей нежно-розовой.

Одеда царица ожерелье, в зеркало глянула на себя и сделалось ей так хорошо, так весело, легким стало тело и закружилась она радостная, подбежала к Тересу и обняла:

- Спасибо, мастер, угодил ты мне, прикажу наградить тебя щедро, а сейчас идем со мной трапезничать.

Взяла Тереса за руку, повела за стол праздничный. А он от яств ломится. Захмелел Терес от вина доброго и почестей. Пьёт, гуляет, царицей любит. Не заметил, как за беседами неделя пролетела. Пифадорида слушала его внимательно про жизнь его в Риме и любовь в ней зарождалась к мастеру:

- Люб ты мне, Терес, оставайся со мной жить. Мастерскую тебе сделаю новую, подмастерьев дам.

Имя своё, в честь царя дакийского, носишь с гордостью. Заслужил ты почестей жизнью своей и делами, потому достоин во дворце жить.

Как сказала она эти слова, опомнился Терес, будто, от сна проснулся, ведь, у него дом есть, и жена Юлия ждёт его. Не пристало ему в славе забываться и любовь свою на царицу разменивать.

- Спасибо тебе Пифадориде за ласку твою, за хлеб-соль щедрый, но ждут меня дома, вернусь я, и ты меня не удерживай.

Не разгневалась царица на мастера, знала, что не останется, твёрд у него характер. Наградила по-царски и отпустила:

- Будь счастлив, Терес, и имя своё дакийское всегда носи с достоинством!

Вернулся Терес домой и продолжил ремесло дивное и прославил

себя и край, где жил, до сих пор его изделия дожили, сохранив для нас имя дакийского мастера.

- Вот такая история была в этих краях. Хотите верьте, хотите нет! А вот и козы мои собрались! Пойду я! Спасибо за чай! - закончила свой рассказ старуха.

Ребята слушали её, как заворожённые - а, ведь, это правда была, многие находки подтверждали её слова.

- Спасибо Вам, бабушка, за рассказ интересный, - уже без насмешек, а с глубоким почтением все хором благодарили её студенты, провожая до села.

Легенда древнего городища

Изучение древнего городища, что на Виноградовщине продолжается, оно открывает новые страницы истории нашего края. Старожилы села Маля Копаня, где много веков назад возвышались стены Сетидавы из уст в уста передают былины и легенды тех далеких событий и вот, что они рассказывают.

Давным - давно на одной из Карпатских гор грозно возвышались над древней рекой Тисней стены Сетидавы. Три вала и мощный дубовый полисад окружали его. Жили там знатные воины и ремесленники - оружейники, умельцы гончарных дел, ювелиры. Правил городом царь Сабитуй.

Однажды собрался царь на охоту. Сел на коня и подался в горы. Долго ли коротко высматривал он добычу, вдруг видит далеко на дубе краснеет что-то. Подъехал ближе - а то девушка в красной сорочке на дереве сидит.

- Что ты там делаешь, девица? - спрашивает Сабитуй.

Увидела она воина, обрадовалась.

- Я здесь ягоды собирала, вдруг слышу, кусты ломаются, хрюканье, чавканье - обернулась, а то вопрь дикий, так я со страху на дерево и забралась, а слезть не могу, вот и сижу!

Сошёл Сабитуй с коня подошёл к дереву - ствол могуч, ветви к небу возвышаются.

- Какую силу страх имеет, - подумал.

Затем снова взлез на коня и полез на дерево. Дотянулся руками до ветки, подтянулся и сел рядом с девушкой. Смотрит на неё, а она то красавица, глаза как небо синие, губы, что ягоды спелые, волосы расплелись - по ветру развиваются.

- Как звать тебя, и откуда ты? - спросил.

- Таита я, дочь Писпора, из села, что под горой, нашему царю ко двору провизию поставляем. А Вы человек знатный, наверно, из городища?

- Да, из городища. А ты смелая, давай спускаться, там и поговорим.

И только они оказались на земле, обнял её Сабитуй и в алы губы поцеловал.

- Нравиться ты мне, Таита. Царь я ваш, и хочу, чтоб теперь ты сама носила хлеб к столу моему. Завтра же приходи.

- Батюшка родной! Не могу, мужняя я, не отпустят! - бросилась в ноги девушке.

- Мужа на соляные рудники отправим, на верхнюю Тисию, а ты, чтоб утром была во дворце, - погладил её по крутому бедру, вскочил на коня, обернулся вслед девушке, улыбнулся, и про себя подумал.

- Ненапрасно охота была.

А после много дней и ночей под звездой Бендис и Великой богини Кибелы провели царь и простая селянка. И народ полюбил её. Но пришла беда незваная.

Однажды дождливой ночью прискакал гонец и принёс странную весть из столицы Дакии - Сармизегетузы.

- Идут на нашу землю войска римского владыки - императора Ульпия Траяна! Готовся царь принять бой!

Собрал Сабитуй старейшин, дружину свою.

- Что делать будем? Уйдём ли в горы, иль бой примем?

- Бой примем! - вскричали воины, - Не пристало нам бежать от врага!

Враг всегда бежал перед нами!

Но вошёл верховный жрец и смолкли воины, боялись его пуше царского гнева.

- Я обратился к богам, - сказал он, - и они повелели, чтобы принять бой и победить, жертву надо принести Верховному Богу нашему - Залмоксису. А жертвою должно быть самое дорогое царя Сабитуя!

- Таита? - невольно вскричал царь.

- Да! Если она самое дорогое! И пусть полюбит Бога, как любит тебя!

Помертвел взор Сабитуя.

- Ты ничего не напугал, Комозик?

- Нет, такова воля Богов! - твёрдо ответил жрец.

- Решай, или девушка, или судьба твоего народа. Жертвенник готов!

Долгое молчание склало уста всех. Тяжелая, гнетущая тишина придавила плечи Сабитуя, чёрным гадом беда вонзилась в сердце его. Но выбора нет. Он царь - отец народа, и ответчик за него перед Богами.

Угрюмым взором окинул царь сидящих и промолвил:

- Да свершится воля Богов!

В белоснежных одеждах взошла Таита на жертвенник. Она была величественна и прекрасна. Лёгкая улыбка брежила на устах. Ясный взор её голубых глаз остановила, на потемневшем от горя, лице Сабитуя и сказала такие слова:

- Спасибо тебе за любовь, мой царь! Там в заоблачных небесах, вдали от родных Карпатских гор, я буду любить и охранять тебя! - и Таита легла на смертное ложе.

Загremели бубны, заголосили женщины. Острый нож сверкнул в руке жреца.

Пронзив нежную грудь, он остановил все звуки и погрузил собравшихся в молчание. Только языки пламени жертвенного костра вспыхнули ярче, они озарили тяжёлую неподвижность ночи.

Дрогнуло сердце Сабитуя - не увидит он больше ясных глаз своей Таиты, померк белый свет и в его очах, на что ему жизнь без неё?

Но царю людская скорбь не пристала. Разгневался он и сказал такие слова своим воинам:

- Дорогую жертву мы принесли Залмоксису и он не оставит нас в бою. Мы - даки из древнего племени костобоков храбры и отважны. Будем биться пока не падёт последний воин, не пристало нам становиться на колени перед врагом. А погибнем - так мертвые позора не имеют. Жён и детей своих укроем в лесах, дабы продолжить род свой. Не отдадим их в рабство. Лучше смерть, чем римское рабство!

Как закончил он речь, увидели все в предрассветном тумане стройные ряды римских легионов. И начался бой, и небо потемнело от пожарниц.

Целый день шла жестокая битва. Римские стенобитные орудия разбили ворота и кровавая пластовня пошла внутри городища. Многие легионеры пали под ударами дакийских метких стрел и кривых мечей. Но бой был предreshён, силы были не равными и уже в лучах заходящего солнца всё кончилось. Городище пылало в зареве пожарниц, выли собаки, кружило вороньё, легионеры добивали раненых и собирали добычу.

А на следующее утро, когда римляне покинули дымящиеся руины городища, пришли матери, сёстры и жёны. Пришли, чтобы оплакать и захоронить своих близких и царя. Сабитуя нашли в луже крови под рухнувшей башней. Он был весь израненный, но могучее тело не хотело расставаться с жизнью. Мази и целебное питьё ведунов вернули силы. Страшная картина стояла перед ним: цветущее прежде городище лежало в руинах, а на огромном погребальном кострище лежали его

погибшие воины.

Ярость исказила лицо царя. Он поднял руки к синему небу и лучезарному солнцу и его голос загremел в окрестных горах:

- Пусть будет проклят кровавый Рим! Да познают твои потомки, что познал мой народ! Проклинаю и тебя Залмоксис! Тебе я отдал самое дорогое - свою любимую, но ты не спас моих воинов, а был на стороне врагов, так какие жертвы тебе ещё нужны?

Он взял факел, поджёг погребальное кострище и обратился к молча стоящим женщинам и детям:

- В этом мире, где правят не боги неба и света, а мрака и зла, где любовь и жертвы ничего не стоят, надо полагаться только на себя, на силу своего народа!

Центурион

Наша повесть будет о тех далёких временах, когда в долинах Карпатских гор жили фракийцы, известные в античных источниках как даки. Это был могучий народ, который сумел приостановить даже железную поступь римских легионов, завоевывавших тогда Европу.

Прошли столетия, исчез народ фракийский, в руины превратился Вечный Рим, но сказания о тех славных временах и людях, творивших историю, сохранили седые Карпаты.

В то время Цезарем Рима был Нерон (54 - 68 гг. н.э.) - властитель, занимавшийся больше декламацией и песнопением, чем укреплением кордонов Империи. На Рейне границы тревожили германцы. На Востоке легионы вели тяжёлые бои с парфянами. А на Нижнем Дунае, названный фракийцами Истром, зимой, по льду, даки постоянно переходили на правый берег и грабили провинции Мёзию, Фракию и Македонию. Нужны ли были эти набеги, трудно сказать, потому что после них следовали карательные экспедиции римлян, огнём и мечём сметавшие поселения даков на левобережье Истра, и много людей гибло тогда.

В одном из таких походов, римляне проникли на север Дакии. Долиной Тисы разведчикам удалось провести легион к стенам городища, возвышавшегося на отроге Карпатских гор. И с первыми лучами солнца начался бой. Несмотря на мужество защитников, к вечеру крепость превратилась в дымящиеся руины.

Победители покидали место битвы: укладывали добычу, связывали пленных, выстраивались в колонну и ждали приказа тронуться в обратный путь. В это время командир первой центурии - Лангин, которому пришлось возглавить легионеров, после гибели легата в жестоком бою,

задержался на месте прошедшего сражения. Он осматривал завалы ранее могучих стен, не устоявших перед римскими мечами.

Собираясь покинуть городище, легионер вдруг насторожился от непонятных звуков, исходивших из-под развалин башни, что у главных ворот. И чем больше он прислушивался, тем тревожнее ему становилось. Этот бесстрашный, безжалостный, неуязвимый в боях воин, вдруг был повержен звуком. Он вслушивался в этот зов, и неизведанное до сих пор желание, во что бы то ни стало, спасти беспомощное существо, придавленного грудой камней. Стихийно зародившийся порыв остановить было не возможно, как будто, его звал не крик о помощи, а сами боги призывали его.

Лангин спрыгнул с коня и начал раскидывать завал, откуда доносились звуки. Заглянул в образовавшееся отверстие, но стало тихо. Тогда воин сорвал с пояса факел, зажгёт его и увидел, горевшие как угольки, испуганные глаза, забившегося в угол ребёнка в слезах, испачканного кровью и грязью.

Огрубевший в боях и походах центурион вдруг, неожиданно для себя самого, добрым голосом позвал его, тот потянулся ручонками, но мешали внутренние завалы, тогда воин укрепил факел и усиленно стал расчищать проход. Весь взмокший от работы и волнений, до сих пор не знакомых, он вытащил на свет дрожащее, обессиленное дитя и прижал к груди, что-то бормоча. Осторожно обтирая раны на маленьком тельце, разглядел, что это мальчик. Завернув его в плащ, взял на руки, держа, как самую большую драгоценность. Затем, вскочив на коня, стал догонять уходящих легионеров. Вечером, когда остановились на ночёвку, маленького пленника уложили в палатке, где соорудили мягкое ложе из овечьих шкур, а царапины и раны смазали бальзамами.

На следующий день только к полудню ребёнок открыл глаза.

- Я хочу есть, - были первые слова мальчика. Лангин с кубком напитка из целительных трав уже давно ждал его пробуждения. Ребёнок выпил чай, после чего кружку козьего молока со свежей лепёшкой, а затем попросил мяса.

- Ты настоящий мужчина, - рассмеялся центурион, и, потрепав мальчугана по густым вихрам, приказал принести баранью ногу, - я сделаю из тебя отважного солдата и от сегодня нарекаю - Люцием, а ты можешь звать меня Лангиным, - воин с удовольствием смотрел как малыш, в котором уже был виден будущий мужчина, справлялся с мясом. Испачкав лицо до самых ушей, а руки по локти, он съел всё до последнего кусочка.

С тех пор прошли года, Лангин, ставший отцом Люцию, к этому времени заслужил, своими воинскими победами звание легата, а мальчишка из сына легиона превратился в храброго солдата и Лангин, очень гордившийся Люцием, назначил его центурионом, дав отряд из ста лучших воинов. Молодой командир с честью продолжал воинское дело отца. Походы его на Восток были отмечены большими наградами, но высшую - "травяной венок", он получил за взятие вражеской крепости в Британии, где первым взойшёл на её стены.

Воспитанный в походах и закаленный в сражениях, он стал настоящим римлянином. Мужчина атлетического сложения, красивый как Бог, от побед и славы становился тщеславным, голова его кружилась от успехов, но не знавший материнской ласки, он не умел любить женщин.

Отец не раз предлагал ему в жёны дочерей знатнейших патрициев Рима, но не одна из них не была им выбрана. Красивые маркизантки и пленницы были милей. Люций баловал их вином, медовыми лепёшками, дарил им денарии, а они боготворили своего Люция, и преданные, как легионеры, следовали за ним во всех походах. Он был ласков с ними и отвечал на их любовь, но сердце его молчало.

И вот однажды в походе на Дакию его когорта была разбита Децебалом, а сам Люций тяжело ранен.

Очнулся он на мягкой траве под густой кроной старого дуба и увидел милое лицо. Юная девушка нежно омывала его искалеченное плечо и осторожно смазывала разгорячённую рану прохладной мазью, от чего боль угасала.

- Кто ты, дивное создание? - спросил Люций.

- Молчи! Мой, Пиепор! Ты ранен, крови много потерял, и говорить тебе нельзя, и тратить силы.

- Я полон сил! Как имя у тебя? Чьего отца ты будешь дочь?

- Ты шутишь или бредишь! Ведь, Зия я твоя!

- Но я не Пиепор!

- Ну хватит, помолчи! На выпей лучше мой отвар из трав. Поспать ты должен, а во сне набраться сил, чтоб недуг свой мог победить. Как угораздило тебя плечо разбить? И почему ты в римском одеянье?

- Да ведь римлянин я. Я - Люций! Центурион!

- Всё, всё, молчи! Доей напиток! Ты должен сейчас уснуть, а я схожу к ручью за свежей водой.

Люций попытался здоровой рукой удержать девушку, но она освободилась, и, взяв кувшин, к источнику ушла.

- Но ты вернись, Зия, буду ждать тебя я! - крикнул он вдогонку, любящая её гибкой фигурой, скрывающейся в лесных зарослях. Сон

накатывался, голова кружилась от потери крови и соблазнительных мыслей о чудной незнакомке, глаза слипались и Люций заснул с улыбкой на лице.

Тем временем Зия бежала к шрию, чтоб рассказать, кого она нашла.

Повелитель даков - Децебал праздновал победу, он был весёлый и хмельной, но выслушав рассказ молодой дакийки, тут же сделался серьёзным:

- Веди к нему, и покажи его мне!

Едва увидев спящего воина, сердце Децебала замерло. Он подошёл, присел к изголовью юноши, внимательно разглядывая его, задумчиво сказал:

- Да, это он! Благодарю Вас Боги! Он жив! - поцеловал, погладил его голову и весь ушел в воспоминания, очнувшись, дал распоряжения Зии:

- Пришли тебе людей и отнесишь его в охотничью избушку. Ухаживай за ним и береги. Через неделю я приду за вами. Что будет говорить, всё слушай и не перечь ему, потом расскажешь мне!

- Но он мне говорил такие вещи, что согласиться с ним я не могу?

- Тебе сказал я, женщина, что делать. Прощай! До скорой встречи!

На следующий день Люций почувствовал себя бодрым и встал с постели. Выйдя из избушки, увидел Зию, которая бельё стирала у ручья. Любуясь её движениями, подошёл ближе и обнял тонкий стан девицкой.

- Ой, Пиенор! Как напугал меня! Зачем ты встал? Ведь слаб ещё и должен полежать! Иди, ложись!

- Я быть хочу с тобою.

- Так я же здесь.

- Нет, ты не поняла. Я быть хочу с тобою, как никогда ни с кем мне не хотелось. Я в жены взять хочу тебя!

- Прости, мой Пиенор, но ранее ты не был так настойчив, уйми свой пыл, то кровь от ран играет, всё будет как ты хочешь, только не сейчас.

- Когда же?

- Как мой отец вернётся из похода, и наш союз соединит.

- Когда же он вернётся?

- Скоро. Через неделю в праздник Бендис - полей и гор Богини нашей!

- Но я стору от страсти дожидаясь!

- О, Пиенор, как изменился ты с тех пор, когда нашла в лесу тебя израненного в луже крови. Ты жить спешить? А перед этим лишь стонал, а до того смеялся надо мною.

Как Зия не пыталась бороться с любовью Люция и своей любовью, союз их всё равно свершился. Природа обвенчала их, в свидетели взяв звёзды неба. Они были счастливы, молоды, красивы в этом чудесном лесу, и никто на свете не мог остановить желания их любить друг друга. Они купались в ручье, грелись на солнце в густых травах; с ладоней друг у друга ели лесные ягоды, слушали песни птиц. Весь мир был их и только их!

Люций, познавший многих женщин в походах, никогда не испытывал такого страстного желания, всё время быть с молодой дакийкой. Он не мог понять, почему дочь его врагов была так желанна. Душа и тело рвались к ней, но самое чудесное, что проснулось его сердце. Он наконец впервые полюбил.

Неделя их безумств пролетела, как одно мгновение. Настал день, и за ними пришли. Децебал с Тересом, отцом Зии, призвали их к себе.

- И так рассказывай, кто ты будешь, воин?

- Я - Люций - римлянин, центурион. Я из народа избранного Богом, чтоб Риму мог служить, я гражданин его! И не щадя себя и сил, я жизнь отдаю во славу Рима!

Хочу сказать спасибо Зие, что жизнь мою спасла. Ещё, что полюбил её безмерно и в жены взять хочу, на то прошу я Ваше дозволение!

- Ты всё сказал, отважный Люций. Теперь скажу своё я слово.

15 лет назад в одном из городищ дакийских был бой. И город пал под вашими мечами. В бою суровом был сын потерян мой, ему шесть лет минуло. Тогда их было двое у меня: Пиенор и Натопор, что капли две похожи друг на друга. То были близнецы. Один из них, что Натопором звался, пропал и сколько ни искали, но так и не нашли. Тогда и мать его я потерял, она то горе не сумела пережить и вскоре умерла. А Пиенора вырастил один я. Иди сюда, мой сын!

Заходит Пиенор, перед Люцием встал. Все смотрят, все поражены их сходством.

- Но как же так! - вскричала Зия, - зачем мне сразу не сказали, ведь, Пиенора я невестою была!

- А сейчас, ты вправе выбор сделать, кто мужем станет из двоих.

- Мой выбор сделан! Будет это Люций! Но прежде он докажет, что дакиец!

- Как? Стать предателем? Нет, никогда! Я - римлянин, хотя по крови я дакиец. Делайте со мною, что хотите, но Лангину обязан я судьбой. Отчизна же моя несчастным делает меня. В одно мгновение был спасен я вами и уничтожен тоже вами. Что, Зия, мне теперь, согласиас твоё? Ты честь мою желаешь опорочить, а я люблю тебя и как мне быть не знаю!

Люций - дак по крови, но воспитанный воином-римлянином, беспредельно преданный Риму, вернулся к своему легиону и отец Децебал не посмел его удерживать. С центурионом ушла и Зия. Став его женой, она родила ему сына. Но счастливы были они не долго.

Не прошло десяти лет, как Люций окунулся в горнило войны развязанной Римом с даками, во главе которой стоял уже не изнеженный Домициан, а император - солдат Марк Ульпий Траян.

Когорта Луция вместе с победоносными легионами переправилась через Истр и углубилась в дакийские земли.

Крепости падали одна за другой под мечами римских легионеров. По приказу легата, Луций с отборной центурией был отправлен в разведку. Тёмными ущельями отряд продвигался в горах Орештие к столице Дакии - Сармизегетузе.

Однажды, после ночёвки, когда первые солнечные лучи встали над Карпатами, Луций увидал, что все проходы перекрыты и его отряд попал в западню. Римские воины стали готовиться к неравному бою, но вдруг в лагерь прискакал парламентёр даков:

- Я командира видеть вашего хочу! - обратился он к передовой заставе.

Луций вышел и посланник Децебала сообщил:

- Мой царь дарует жизнь вам, если в плен сдадитесь!

- Не сдаются в плен римские воины! - ответил Люций, - но мы обдумаем предложение вашего царя, и вечером сообщим решение.

Центурион обратился к отряду:

- Будем сдаваться и преобретём бесчестие, сохранив жизнь, или поляжем в бою во славу Рима?

- Сохраним славу Рима! - воскликнули легионеры.

- Но все мы не должны погибнуть. Когда-то здесь я воевал, был ранен тяжело, но помню все дороги. Проход я знаю в дакийскую столицу, поэтому обязан карту донести для императора, для будущих его побед. Отсюда мой приказ - центурия назад уходит, тропой, которую я укажу. А для прикрытия останусь я и десять добровольцев. Шаг сделайте вперёд, кто остаётся!

Центурия шагнула вся.

- Нет. Останутся лишь десять, я сам их отберу.

Легионеры ушли, а вскоре прибыл и посланец даков:

- Ответ твой!

- Будем мы сражаться!

На утро бой был, длился он не долго. И под кривыми, дакийскими мечами и стрелами врагов, легионеры пали. В живых остался лишь

ближайший друг Люция, которому успел он наказать:

- Пусть Боги сохранят тебя! И ты дойдёшь до Рима и скажешь императору, что Луций исполнил долг своей жизни не щадя, чтоб до конца остаться римлянином! Жене же передашь, чтоб воспитала сына моего таким же, как был его отец!

Когда солнце осветило горы и даки хлынули в ущелье, римский заслон уже погиб, а военный трибун - Луций истекал кровью. Сам царь пришёл, чтоб допросить умирающего римского командира, и был сражен, когда узнал в нём своего сына Натопора.

- Почему ты не послал гонца ко мне и не сказал, что это ты, и сохранил бы жизнь.

- Жизнь, но не честь! Я не мог вновь стать даком, а как римлянина - предателя ты б меня презирал. Прощай, отец!

Пришли дакийские женщины, омыли тело умершего воина и вместе с его оружием возложили на погребальное кострище.

Царь Децебал подошёл с факелом к кострищу и перед тем как зажечь, обратился к дакийским воинам:

- Пусть все мы будем такими же мужественными, как этот римский легионер. И пока мечи не выпадут из наших рук, будем защищать свою родину!

Эпилог

Прошло немного времени и могучая Дакия была свергнута в ещё более жестокую войну. Зия, узнав о гибели Люция, возвратилась с сыном к родному отцу Тересу. Легат Лангин в это время ведёт переговоры с Децебалом, который захватывает его в плен. Царь Даков решает взамен на римского легата вернуть свои земли у Истра. Тогда легат Лангин, чтобы не быть предметом торга и ставить своего императора Траяна перед выбором, просит свою невестку Зию достать ему яд, после чего умирает отравившись. Властелин Дакии - Децебал, чувствуя свой конец, прячет сокровища даков от ненасытных римлян. Часть их он зарывает глубоко в землю под руслом горного потока, а часть в труднодоступной пещере. Сам же - последний царь Дакии - Децебал, не желающий идти в золотых цепях триумфа Траяна, падает на собственный меч.

Мания

Было это так давно, что мало кто помнит, отдалённые времена, когда Карпатские земли входили в состав могучей и процветающей Дакии. В одном из селищ, расположенном в горной долине, в семье простого пастуха родилась дочь. Она росла не отличаясь от других детей. Когда ей

исполнилось пятнадцать лет, Богиня Бендис (1) наградила её фигурой Афродиты (2) и голосом Орфея (3), но зато Золмоксис (4) поразила страшной болезнью, сделав её лицо уродливым и настолько ужасным, что ей пришлось уйти из села и поселиться в лесу в избушке, которую для неё построил отец. С тех пор девушку называли Манией (5) и забыли бы о ней, если б не Великая мать богов – Кибела (6), которая смилостивилась над бедняжкой и наделила её даром врачевания.

Жила она одна, и только страждующие и несчастные приходили к ней. Собирая в горах целебные травы, она пела, скликав вокруг себя птиц. И как эти доверчивые создания, радовалась жизни. Птицы садилась ей на руки, плечи и она вместе с ними кружилась в танцах. В жаркие дни девушка плескалась в ручье, разгоняя стайки рыб, в дождливые и холодные - пряталась в своей избушке, где готовила лечебные напитки.

Однажды Мания увидела, как по дороге прошла колонна римских легионеров, одетых в дорожные доспехи, с копьями и мечами на поясах. Они разбили лагерь на берегу Тиссы. И когда ночь окутала равнину, вдали у реки замерцали костры, послышались голоса людей, ржание коней, ей неодолимо захотелось хоть краем, тайком присоединиться к этой чужой жизни.

Девушка распустила волосы, скрывая лицо и осторожно пошла к реке. Сердце тревожно билось, предупреждая об опасности, но ноги сами шли к лагерю.

Одни воины мылись в реке, купали и поили лошадей, другие - что на берегу - чистили и точили оружие, готовили на костре пищу и вкусный запах от неё разносился по всей долине.

Спрятавшись за ствол могучего дуба, как замороженная, Мания смотрела на молодых, сильных солдат и не заметила, как сзади подошёл воин и осторожно положил руку на плечо. От неожиданности она вскрикнула, отпрянула и закрыла лицо руками.

- Не бойся! Как звать тебя? - спросил он.

- Я не боюсь. Я - Мания, - не поворачивая головы, ответила девушка.

- Что делаешь здесь, село же далеко отсюда?

- А я не из села, мой дом неподалёку, одна я здесь живу.

- Одна? Наверно, ты голодна? Я принесу поесть, ты подожди, я сейчас!

Не успела Мания опомниться, как солдат уже вернулся с котелком горячей похлебки из бобов с бараниной.

- Возьми, поешь, - протянул он, ей парящий котелок. Девушка взяла еду, немного съела и отдала обратно.

- Спасибо, я пойду.

- Нет, что ты! Возьми с собой, и, если можно, я провожу тебя!

Эта ночь была тёплой и очень тёмной. Настолько тёмной, что воину так и не удалось увидеть её лица. Он слышал только нежный голос, который вёл за собой в лесную избушку.

Как только они вошли в жилище, пряный запах высушенных трав, развешанных по всем стенам, вскружил голову юноше и он невольно обнял девушку. Трепет овладел обоими. Остановить их желания было невозможно.

Под утро, когда сквозь маленькое окошко, проникли первые лучи солнца, воин проснулся и счастье сияло на его лице, хотелось взглянуть на лесную фею, что подарила ему эту чудную ночь. Погладив роскошные волосы девушки, мягкие как шёлк с запахом горных трав, он осторожно раздвинул их и И ужас пронзил его насквозь. Воин буквально остолбенел, а придя в себя вскочил с постели, схватил меч и полубезумный, как будто преследуемый зринями (6), выбежал с избушки.

Манни же в эту ночь спалось сладко. Когда она проснулась, солнце было высоко, а пернатые друзья уже пели под окошком, оповещая, что день настал. Потянувшись, она вспомнила сказочную ночь, улыбнулась сама себе, встала и побежала к ручью. Птицы кружились над ней, рыбы плескались в воде - девушка была счастлива! Обмывшись ключевой водой, Мания отправилась к лагерю легионеров, но застала уже только тлеющие костры да кости, оставшиеся от утренней трапезы. А где-то вдали над дорогой клубилась пыль за уходящими в неизвестность легионерами.

Прошло девять месяцев. И в один прекрасный день в лесной избушке раздался крик новорожденного малыша. Мания назвала его Гаем, в честь воина, имя которого было начертано на забытом им перстне. Время бежало быстро. Окружённый заботой матери Гай рос крепким и смышлённым. Мальчик был похож на ангела с золотистыми кудрями волос, которые обрамляли маленькую головку, голубыми и умными глазами, выдававшими его благородную кровь.

Мания любила и оберегала Гаю. Она прятала сына, боясь, что его заберут дакийские боги. И о существовании ребёнка даже её отец не догадывался. Строго-настрога наказала она ему прятаться от людей, да и не нужны они были ему - детю природы. Мальчик играл с прирученным волчонком, лазил по деревьям, а в особые дни мать доставала пояс и перстень, оставленные воином, и рассказывала истории о храбром отце. Тогда Гай одевал пояс на себя, изображая воина, и уходил на охоту, с которой никогда не возвращался без добычи.

Прошло время и в день пятнадцатилетия Гаю Мания позвала его к себе и сказала:

- Ты уже взрослый, сильный и смелый! Как твой отец ты должен стать воином, а не простым охотником. Поэтому ты пойдёшь в городище и попросишься служить в войско. Кто ты и откуда не говори. Счастья тебе и удачи в большой жизни людей. Помни, что я люблю тебя и буду молиться богам за тебя! Пусть Великая мать богов хранит тебя своей десницей!

Через пять лет Гай стал настоящим воином. Он жил в военном лагере и выделялся своей ловкостью владения оружием, настойчивостью во всём за что брался, воинской выправкой. Сам - красивый, статный, голубоглазый, с густыми русыми волосами, спадавшими на широкие плечи. Царь не мог не оценить его достоинств и приблизил к себе. Он доверял юному воину самые опасные разведки и отправлял во главе отряда в походы за Нижний Дунай в прибрежные провинции Римской империи. Дакия процветала, становилась сильной державой и опасным противником Рима, которому отвечала ударом на удар.

Однажды, когда Гай со своими воинами охранял переправу у Железных ворот на Истре (Дунай), к нему привели римского центуриона. Этот могучий воин своей статью, цветом глаз и волос больше походил на варваров славян или германцев, чем на римского военачальника. Его жесткий взгляд, буквально опаливший молодого воина, как-то внезапно смик и появилось растерянность, не свойственная легионеру.

- Я, бывавший на равнинах Британии, в песках Аравии, знавший, какого цвета кровь врагов, и как кричат и стонут их женщины после взятия крепостей, вдруг на пальце даки, вижу свой перстень, свой и ничей другой. Перстень, который изготовил мне знаменитый ювелир Абрахам из Иполаты, за что я даровал ему быструю смерть. Но этот перстень был где-то потерян или оставлен. Да, я его оставил в лесной избушке в Дакии, - вспомнил всё центурион и это было как удар молнии, - Этого не может быть! Была ночь! Была девушка со страшным потусторонним лицом и сейчас есть этот молодой дак - моя копия.

Но и не в таких переделках приходилось оказываться центуриону и, обрета прежнюю твердость, он спросил:

- Откуда у тебя этот перстень, воин?

- Он достался мне от отца.

- А кто твоя мать?

- Мания, - незамедлительно ответил Гай, хотя до сих пор никогда и никому не говорил о ней.

Римлянин молчал. Перед его глазами проплывала летняя ночь 20-ти летней давности. Она была так ясна, будто была вчера. Он никогда и

не забывал её, потому что насколько была прекрасна ночь, настолько страшным было утро. И вот сейчас перед ним юноша, который есть плод той ночи любви. Как сказать ему, что он его отец. Овладев собой, легионер заговорил:

- Отведи меня к вождю.

- Хорошо. Сдай оружие!

Они шли рядом по широкой тропе и легионеру было приятно сознавать, что с ним идет сын. Хотя родился он от дакийки, но в его жилах текла римская кровь, кровь властелинов мира.

- Воин, как звать тебя?

- Гай. А твоё имя?

- Я тоже Гай.

- Доволен ли ты своей судьбой?

- Да, и сю я обязан матери своей, которую люблю и всегда помню, хоть не видал её давно. Отец мой воин, в походах он, и про мать забыл, - Гай не понимал, почему рассказывает врагу о себе, какая-то внутренняя потребность подталкивала его к этому.

- Нет, помнит. Он любил её, иначе б ты не появился на этот свет. А мать твоя лицом хоть не красива, красива в ней душа. За это Бог дал сына.

- Откуда знаешь ты про всё, римлянин?

Тут они подошли к шатру вождя.

- Иди и доложи обо мне, потом закончим мы беседу.

Гай зашёл в шатёр и через минуту пригласил легионера войти. После переговоров позвали Гая:

- Римляне не хотят воевать и просят, чтобы мы отступили, - сказал царь, - но этого не будет. Ты пойдёшь и узнаешь ответ. Я жду тебя завтра к вечеру. И если не принесёшь согласия, утром будет бой.

Оба Гая отправились в римский лагерь. Дорога была длинной и за время пути старший Гай рассказал Гаю младшему историю его рождения.

- Так значит ты отец мой?

- Да, а матери твоей в ту ночь я испугался.

- Напрасно, добрая она. К её уродству привыкаешь, так же как и к красоте, которое потом не замечаешь и видна лишь душа.

- Она мать твоя и ты любить её обязан, я ж воин, в походах жизнь моя. При встрече с ней скажи, что помню и благодарен ей за сына и вот предай ей золотую цепь.

Переговоры с римлянами закончились ничем и Гай вернулся в лагерь.

А утром был бой, в котором победили даки. Но цена победы была страшна - всё поле было покрыто изуродованными телами павших бойцов.

Женщины, с главной ведуньей - Манией, обходили поле битвы в поисках раненых.

В одном из распадков Мания увидела легионера с разбитой головой и торчащим пилумом (римский дротик) в спине. Он лежал на даке. Она повернула солдата и увидела под ним своего сына. Гай был тяжело ранен, но живой. Как только он пришёл в себя, сразу спросил о судьбе лежавшего рядом воина.

- Он мертв, - ответила мать.

- Верни ему жизнь, ты же всё можешь! - прошептал Гай.

Мания внимательно осмотрела бездыханное тело и приложив ухо к груди центуриона услышала слабое биение сердца.

- Отнесите обоих ко мне, - приказала она своим служительницам.

Травы и напитки гор вернули жизнь воинам. Первым пришёл в себя молодой Гай. Он рассказал матери о битве, в которой легионер, отец его, прикрыл своим телом и спас от гибели.

Прошло два месяца и могучий организм римлянина поддавался врачеваниям Мании. Раны зарастали, он начал ходить, тело набирало силу, но глаза, повреждённые ударом дакийской дубины, были слепы. По голосам Гай понял, что рядом с ним сын и девушка, которую он всего лишь однажды любил в ночной тишине Карпат.

Как-то вечером отец и сын сидели у костра и Гай сказал:

- Сын, я прошу тебя, дай мне меч, чтобы я закончил жизнь как римлянин. Жить калеской я не хочу и не могу.

Эти слова услышала Мания и они испугали её, но заставили действовать. Мания пошла в святилище и, вознеся руки к небесам, стала молиться, обращаясь к Богине Кибеле:

- О, Великая мать богов! Ты помогла вернуть жизнь дорогому мне человеку, так не дай ему опять умереть, научи, что делать, - и Богиня услышала её молитвы:

- Я верну ему зрение, но ты потеряешь римлянина. В полночь подымись на священную гору Мыгору и соберёшь целебные травы. Из них приготовишь живительный отвар и промоешь раны воина, после этого ты станешь ещё безобразнее и ослепнешь. Если ты согласна, иди!

Утром Мания омыла глаза Гаю волшебным соком. Он прозрел и увидел своего сына, а рядом старуху с ужасным лицом. Скрипящим голосом она читала над ним молитвенный заговор.

- О, Боги, кто это? - испуганно воскликнул Гай.

- Это моя мать. Она вернула тебе зрение ценою своей жизни!

И тут свершилось чудо! Старуха, закончив свой ритуал, вдруг легко поднялась, свободно распрямилась и с неё стала спадать короста, мерзкие

бородавки, морщины на лице расправлялись, седые волосы превращались в мягкие волны и как золотой венец украсили её голову, глаза заблестели юным светом и она из страшной Мании превратилась в красивую женщину. В это время облака над ними раздвинулись, и откуда-то из глубины бездонного неба раздался голос:

- Я-я-я-я вознаграждаю-ю-ю любо-о-о-вь!

Примечания

1. Бендис - фракийская богиня живой природы, растительности (греч. Артемида, рим. Диана).
2. Афродита - греческая богиня любви и красоты (рим. Венера).
3. Орфей - греческий певец, родом из Фракии. Своим пением и игрой на кифаре зачаровывал даже животных и растения.
4. Залмоксис - верховный Бог гетов и даков. В его культ входят представления о бессмертии души, спуск в подземное царство, ритуальную смерть оккультиста, за которой идет воскресение - эпифания.
5. Мания - в древней мифологии пугало-Бука
6. Кибела - Великая мать богов (фригийского происхождения). Богиня плодородия, материнской силы.
7. Эринии - греческие богини мщения подземного мира (рим. Фурии).